

УДК 81'286

DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-19-26

КОГНИТИВНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСИВНЫХ ФРАГМЕНТОВ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕМАТИКИ В РЕЧИ ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЕЙ

О. Ю. Крючкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов

Изучение традиционного сознания, особенностей мировидения носителей народной культуры на материале текстовых корпусов диалектной речи является актуальной задачей лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Репрезентативные текстовые собрания обыденной диалектной речи сравнительно недавно стали источником реконструкции традиционной картины мира. Цель работы – исследование роли и содержания религиозных знаний и представлений в картине мира диалектоносителей. Анализ дискурсивных фрагментов религиозной тематики, выделенных из общего потока речи, показал, что религиозный компонент является значимой частью общей картины мира и языкового сознания носителей народной традиции. Коммуникативные особенности изученных тематических фрагментов – «сгущение» метаязыковой рефлексии – свидетельствуют о том, что элементы религиозной картины мира осмысливаются диалектоносителями как важная составляющая своей культурной идентичности.

Ключевые слова: традиционная народная культура, диалект, картина мира, языковое сознание, метаязыковая рефлексия.

Надежным источником изучения русского традиционного сознания является речь носителей народной сельской культуры, «обыденное речевое поведение носителей языка», которое, как справедливо отмечает Е. Ф. Тарасов, представляет собой один из наиболее удобных каналов доступа к сознанию людей [1, с. 69]. Диалектная речь (рассказы диалектоносителей, обиходно-бытовое общение на диалекте, диалоги сельских жителей с представителями иной социокультурной среды) транслирует актуальную для носителей традиционной народной культуры картину мира, одним из значимых компонентов которой являются религиозные знания и представления (о другом важном источнике реконструкции «народного православия» – фольклорных произведениях духовно-нравственной тематики [2]).

Данное исследование проведено на материале создаваемого в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского текстового электронного диалектологического корпуса (СарДК), включающего целостные речевые произведения на диалекте, что позволяет анализировать в том числе тематическую организацию речи носителей традиционной народной культуры, выявлять характер репрезентации конкретных тем, проводить содержательный анализ соответствующих текстовых фрагментов, т. е. делает корпус лингвокультурологическим ресурсом [3]. Объектом анализа стал один из подкорпусов СарДК – подкорпус текстов с. Белогорное (бывш. Самодуровка) Вольского района Саратовской области.

Население Самодуровки (первоначальное название села – Самодуровка – отражает, согласно бытующей легенде, акт самовольного («самодуром»), не санкционированного властью заселения территории) формировалось с середины XVII в. из скрывавшихся там от преследований приверженцев никонианской реформы старообрядцев (считают, что Самодуровка стала ядром поморского согласия в Хвалынском уезде) и из другого беглого люда, по разным причинам прибывавшего в Поволжье в поисках лучшей доли. Таким образом, жителями Самодуровки стали люди, придерживающиеся различных толков православия – старообрядцы и последователи официальной церкви («церковные») [4–6]. Эти религиозные общины до сих пор существуют в с. Белогорное.

Тема религии занимает значительное место в дискурсе жителей старшего поколения. В текстах подкорпуса содержатся упоминания и рассуждения о Боге, христианских святых, православных праздниках и знаменательных датах церковного календаря, церковных службах и обрядах, сочинениях религиозного содержания, религиозных деятелях, религиозных направлениях и иноверцах, отражены элементы христианской мифологии. Соответствующие знания не только охотно воспроизводятся, обсуждаются, но и активно пропагандируются в общении с представителями иного культурного круга. Исследование тематической организации говора с. Белогорное показывает высокую частотность и лексическое разнообразие единиц тематической группы «Религия» [7].

Анализ текстов, записанных в течение последнего десятилетия от пожилых жителей с. Белогорное, позволяет составить представление об актуальных для сознания носителей традиционной народной культуры элементах христианской картины мира, особенностях осмысления концептов православия последователями официальной церкви и старообрядцами (фрагменты расшифрованных записей диалектной речи даны в полуорфографической транскрипции, сохраняющей грамматические и некоторые фонетические особенности народной речи).

Элементы христианской культуры в народной речи

Христианская картина мира церковных и старообрядцев села имеет много общих черт. Общим для обеих конфессиональных групп жителей с. Белогорное является представление о единобожии. *Бог один*, утверждают и церковные православные, и староверы, *он создал и землю, небо, все*. Представители обеих конфессиональных групп отмечают наличие множества религиозных направлений, усматривая в этом несогласованность с фактом существования единого Бога и результат неверного понимания истинной веры представителями иных религиозных объединений: *Бог один, вот дочка, а сорок вер, то есть верховые, то нижние, то монашки*.

Бог милостив, считают представители обеих религиозных групп (*Господь никому не отказывает <...> всегда помогает; Господь <...> многомилостив, он всем прощает, кто его просит; Господь простит, если будет кто Бога просить и молиться*), но милость и прощение Бога к своим земным чадам все же не безграничны (*Господь тоже терпит, терпит, да и с рук-то бросает*). Все верующие села выражают уверенность в том, что Бог строго наблюдает за происходящим в земной жизни и наказывает за неверие, за любые отступления от предписанных им раз и навсегда правил морали и поведения. Ср. фрагменты из рассказов жителей села:

Ну, пойдём, Юра, в церковь. Он говорит: «А я в Бога не верю». А у него – раз вот и сынок-то утонул, вот тебе и в Бога не верю; ...кто ругнется в Бога или в Духа святого, того, говорит, не прощу никогда!; ...родителей почитайте, почитайте родителей, за непочтение родителей накажу, говорит, <...> Господь так пишет.

Евангельские заповеди сотворения добра и терпения рассматриваются в традиционной народной культуре как непреложная норма человеческого поведения. Ср.: *...мир создан для этого, чтобы творить благо; милостыню обязательно какую-нибудь надо, пусть ты кусок хлеба подала или... или милость какую, или больного посетила, или ноги намыла, может быть, больному какому <...> это есть, это есть, это было и будет, потому*

что все в Писании писано, вот; за обидевшего нужно молиться, обидел – за него надо молиться, потому что Господь все терпел.

Большое значение для народной духовной культуры имеет также положение о равенстве всех перед Богом: *все, говорит, и князи, и убогие, и нищие – все пойдут в равном достоинстве, все в землю пойдут, перед престолом Божьим будут*.

В сознании носителей народной традиции, независимо от различий в их религиозных убеждениях, нравственное и безнравственное, истинное и неистинное обязательно связаны с соблюдением божественных заповедей, следованием канонам Священного Писания. Эта связь находит отражение и в лексико-семантической системе говора: слова с корнем *-бог-* используются со значениями морально-этического плана, ср: *по-божьи* – ‘нравственно, истинно’, *безбожество* – ‘безнравственность’, *божество* – ‘соответствие Писанию; соответствие нравственному закону’.

Значительную роль в жизни и сознании носителей традиционной народной культуры играет соблюдение религиозных обрядов и ритуалов. По мнению староверов, формальное, неусердное отношение к религиозной обрядовости, неверное исполнение религиозных ритуалов является оскорбительным для Бога и карается им: *я им [молодежи] говорю: «Вы уж не креститесь. Это ведь если там не истово крестишься, то только насмешку Богу даешь <...> надо креститься истово»; ...у меня у сына выходила [замуж] вот старша дочь, вот, и я там участвовал, они как сидели этак вот молодые-ти, я им говорю: «Выходите, вот, круг делайте <...> остановитесь над образами и будете класть три поклона и прощаться и уходите». А они – нет, на своем поставили, так он вон... дружка там какой-то нашелся, парень, его Господь вот не пожалел, он помер... какой-то случай с ним произошел. Да, не потерпел Господь. Он: «Нет, я поверну по-своему». <...> Вышли – и сразу в дверь, даже и три поклона не положили, видишь вот как <...> жизнь-то и плохо идет у них.*

Последователи официальной церкви также подчеркивают, что соблюдение религиозных обрядов, ритуалов – важное условие сохранения нравственных норм в жизни, залог спасения (*а невенчанье – это, считай, как с неверным мужем живешь; ангел все время у нас на плече, кто крещеный – у него ангел, а кто некрещеный – у того не-ет; если, говорит, человек сел кушать, да не перекрестился, это, считай, как скотина у стойла, да, может человек подавиться...; крестик надевайте <...> крест – честная сила*), однако не настаивают на «истовом» исполнении религиозной обрядовости (*вот я ему, Димульке своему [внуку], тоже говорю: «Куда бы ты ни поехал, где бы ты ни был, в первую очередь –*

есть какой-нибудь храмик – раз, прибежал, по силе возможности свечки поставил).

Некоторые различия наблюдаются у представителей религиозных общин села также и в осмыслении божественной силы, ее власти над людьми. Если в речи старообрядцев отражен социально-психологический аспект воздействия высшей силы, то в речи «церковных» верующих – прежде всего индивидуально-физическая направленность ее влияния. Ср.: рассуждение старообрядца о богоданности власти, предопределенном Богом ходе истории (какая бы власть ни заступила, она посылается Богом, и ей надо повиноваться, вот. Вот мы говорим там: «Ельцин нехороший». Или, вот, дойдет время, може, и Путин будет нехороший. Ну это опять Бог послал, наше дело – повиноваться, и все; ...а вот, с подводной лодкой сейчас эта трагедия – тоже? То же самое: послано Богом) и рассказы представительницы «церковной» веры о Божьей помощи в трудных ситуациях, в избавлении от болезней (вот в лесу я заплуталась <...> и я не знаю, куда идти <...> стала Бога просить: «Господи, святитель Христов, отче Никола, помоги мне выйти-то». И гляжу – дедушка идет; ...дедушка, вон, у меня лежал... вот лег на голландку, таблетку выпил и говорит: «Бабушка, что-то у меня это... в роту-то, как заноза». А я говорю: «Читай “Отче наш”! Почитал “Отче наш” один раз и говорит: «Бабушка, она у меня заноза-то под языком». Еще раз читает. Три раза прочитал, говорит: «Бабушка, ее у меня теперь-то и нету»).

Значимой частью религиозной картины мира у носителей традиционной народной культуры (и церковных, и старообрядцев) является знакомство с библейскими сюжетами. Религиозные сюжеты и легенды органично вплетены в культуру повседневности, служат практическим ориентиром индивидуального и социального поведения. Обращение к ним связывается обычно с событиями реальной жизни, содержание религиозных сюжетов верифицируется с опорой на личный опыт, подвергается эмоциональной субъективной оценке, переносится в план реального времени, что указывает на глубокое проникновение религиозного знания в личную сферу говорящего, на тесную связь религиозного и бытового в его сознании. Ср. наблюдения С. Е. Никитиной о восприятии текста одного из Житий сельскими жителями-старообрядцами: «Обращает на себя внимание очень непосредственное переживание содержания Жития. <...> Достоверность Житий для верующего несомненна, и расстояние во времени, равное полутора или более тысячам лет, между событиями Жития и сегодняшним днем не ощущается: все воспринимается как происшедшее недавно, с людьми близки-

ми и хорошо известными» [8, с. 39]. Приведем примеры из СарДК:

...мы купали в купели, или в реке, или в озере, или где-то в пруду, вон в речке, как Иисуса Христа Иоанн Креститель крестил. Богородица-то ушла и... зимой в уме ночевала. Никто не пустил ночевать. Это вот... у нас и цыгане ночевали, 10 человек, 10 метров товара свистнули, да Бог с ними, но милость надо делать. <...> А сейчас вот, видишь, сюда она постучала, Богородица, не пустили. Что? Беззаконие творят. Туды тоже: «Вас много, бродяг, идите, дальше проходите». Ох, девчонки!

...а то, как в Евангелии написано: пять-то дев запасли себе все, и лампу, и все. А другие-то не спросят... вот, видишь, вот: надо вовремя все запасать! Беги, говорит, на базаре купи. Пока ходишь – тут все: Иисус Христос ушел.

...ой, не знаю, что за жизнь пошла! В Писании все сходится, вот: Содом и Гомора, как и раньше. Там описывают <...> они горели, Содом и Гомора, два города, потому что безобразный образ жизни, все: и мужчины, и женщины – все, как сейчас в некоторых местах.

...там опять написано: в подпоследнее время, говорит, смешавшись языки и навлекоша все дела дьявольские. Вот оно... мы дожили. Вы може не поверите, а оно все подошло. Все на глазах.

Важную роль в религиозном сознании представителей обеих конфессиональных групп играет почитание святых, особое место среди которых занимают Богородица и Николай Чудотворец. Богородица почитается как самая святая из всех живших на Земле: *святейшая всех святых, всех святее херувимов и серафимов, всех святее она, потому что Господь вселил святого духа, вот! На земле не было святых людей, духа-то не в кого вселить, а она, вот видишь....* В народном сознании Богородица – это и наделенная величайшей силой царица небесная (вот она Богородица <...> все равно сына своего умолит <...> и поможет тому, кто ей молится, потому что он сын ей <...> и всех святых там и она умолит, царица небесная), и всегда приходящая на помощь матушка-заступница (а матушку-владычицу каждую секунду зовите, она всегда всех слышит, всегда! ...вот она всегда тоже на помощь приходит), и вызывающая сострадание женщина-мать (Богородица-то уснула под деревом, и снится: сыночка ведут на распятие, а на голове-ти терновый венок, а она плачет. Она мать, ей жалко. А когда вели Иисуса Христа-то, а у него белье, как... везде кровь, живого места нигде не было, вся шкура полопалась. И вот, где встанет – след-то. А Богородицу тащат под руки, ноги-те по земле волочатся. Она каждый здесь след Иисуса Христа и каждый следочек оплакала, целовала-то мать, то-то матери жалко).

Наравне с Иисусом Христом и Богородицей как эталон святости, непререкаемый авторитет и образец в религиозной жизни почитается Николай Чудотворец: *Николай Чудотворец – он угодник божий. Видите: по праву сторону-то Иисус Христос сидит, а по леву – матушка-владычица, во-от. Николаю Чудотворцу, как и Богородице, приписывается огромная чудотворная сила (Николай Чудотворец – он угодник божий по всей земле; Миколай Чудотворец – это вообще, во всю землю! О-о-о, во всю землю!)*, обладая которой святой остается близким, «своим» для каждого ведущего праведную жизнь и нуждающегося в помощи. Включение святого в личную сферу носителей традиционной культуры подчеркивается использованием народного варианта имени – *Микола*. Номинация же *Чудотворец*, ставшая частью собственного наименования святого, не потеряла для носителей традиционной культуры своей внутренней формы, о чем свидетельствует ее предикативное употребление: *...ложись спать – за спаньем молись: «Господи, Микола милостливый, спаси и сохрани от злых и ненавистных!»*. Три поклона. Помолилась – и легла... – *А почему именно Микола? – А Микола – она чудотворец, дочка. Иконы с изображением этого святого бережно хранятся (где-нибудь она лежала, очень спрятанная далеко <...> Никола Чудотворец <...> они хранились, кто как мог хранить)*; перед ними совершают молитвы, обращаясь с личными просьбами.

Важнейшим элементом религиозного сознания носителей традиционной народной культуры с Белогорное является соблюдение православных праздников и значимых дат церковного календаря. Главными христианскими праздниками, глубоко почитаемыми всеми жителями села, являются Пасха (диалектный вариант наименования – *Паска*) и Рождество (диалектный вариант – *Рожество*). Кроме них, представители разных конфессиональных групп села отмечают такие христианские праздники и даты, как Крещение Господне, Троица, Успение Богородицы, Родительская суббота, Преображение (или Яблочный Спас).

Представители обеих религиозных групп с Белогорное придерживаются православного понимания древнеславянского праздника Масленица. Масленица соблюдается в соответствии с церковным календарем как мясопустная неделя перед Великим постом, в течение которой верующим запрещается употреблять в пищу мясо. Ср. связь Масленицы с Мясоедом (отрезок времени, когда по церковным канонам допускается принятие мясной пищи) и Великим постом (предшествующий Пасхе семинедельный пост) в высказываниях пожилых сельских жителей: *Мясоед меняется: вот летось он был восемь недель, а нонче токо будет шесть недель <...> а на будущий год он вот Мясоед бу-*

дет девять недель, десята Масленица; ...вы сейчас, наверно, понимаете, что Великий пост придет? Масленца, и за Масленцей – Великий пост.

Обязательным атрибутом православных праздников является торжественный молебен в церкви (у церковных) или в моленной (у староверов): *Паски канун молились; – А как вы отмечаете праздники – Троицу, Рождество? – Мы как?... пойдём помолимся; на Троицу вот всегда ходите в храмы. В народной традиции христианские праздники связываются прежде всего с духовным возвышением, очищением, широкие же гуляния, застолья не входят в обычай их празднования. Ср.: мы в любой праздник не радуемся, мы читаем с умилением <...> торжественно. Мы... мы не радуемси, и в честь праздника мы не выпиваем ничего, мы такие торжества не делаем, это погрешно; ...пойдем помолимся, он [поп] скажет: ну, ныне, сегодня можно заедину. Ну, вот там щи мясные сварить, щи мясные, можно рюмочку выпить, вот. Ну, вот Рождество.*

В рассказах старшего поколения жителей с. Белогорное описываются особые приметы, атрибуты христианских праздников, сопровождающие их ритуалы, отмечаются имеющиеся в проведении торжественных обрядов различия. Так, например, в рассказах представителей церковной и старообрядческой общин указаны элементы, отличающие проведение Родительской субботы у верующих двух религиозных групп села. Старообрядцы считают Родительской всю неделю: в начале Родительской недели, в понедельник, поминаются родители (*она идет родительска с понедельника, в понедельник мы, значит, поминаем помянники, всех родителей, сколько у нас есть, всех поминаем, пять раз с одной панафидой [панихидой]*), поминовение родителей возможно также и в субботу (*ну, родителей мы поминаем, кроме родительских, в субботу можно, если собираемси*). Старообрядческий ритуал празднования Родительской включает поминовение всех усопших благочестивых христиан, которых поминают в пятницу в обряде вселенской панихиды (*за вселенской поминаются все <...> кто какой смертью подобен, кто какой смертью помер*).

Ритуал церковных верующих носит более бытовленный, личностный характер: церковные поминают умерших родственников, посещая в субботу церковь и ставя свечи за упокой их душ, в обряд поминовения входит также обычай печь пироги и угощать ими односельчан. Ср.: *...родительское вот придет, тоже мы так вот на родительское не магазинное мы купим, а <...> сами испекем. По родителей, понимаешь, подаем, по родителей, свое домашнее надо все подавать. Зашла в церковь: <...> «Царство небесное моим родителям», бабушке там, дедушке, прадедушке там, вот, зашла в церковь – поставила свечку...*

В целом для старообрядцев характерно более книжное религиозное знание, ср.: *...я вам все говорю все с Писания, я не придумыву ничего лишнего, я все с Писания, все, что написано в Евангелии, в этом, в Золотоустье и в других книгах.* Специфика религиозного знания старообрядцев и особенности его языковой объективации обусловлены такими доминантными чертами старообрядческой культуры, как ярко выраженный традиционализм, книжно-письменный характер, церковно-славянско-русский билингвизм [9].

В рассказах старообрядцев чаще упоминаются и характеризуются церковные ритуалы, в том числе и уже утрачиваемые (например, такие службы, как *родительска всемирна (вселенска) панихида, всевулишно* [богослужение], *большая вечерня, малая вечерня, полунощница, утренняя, часы, молебен* [службы суточного круга богослужения], *служба воскресна*), предметы религиозной обрядовости (*кадильница, венец, образа, ризы*), богослужебная литература (*Евангелие/Писание, Золотоустье, Цветная Триодь, Пасхалии, Устав, Поучения, Требник*), религиозные деятели, прежде всего патриарх Никон, характеризующийся как виновник раскола в русском православии, искаживший правильное старое богослужение, гонитель староверов (*раскол-то семьдесят семь вер сделал, это только Никон патриарх это дело все напутал; он [патриарх Никон] нашего брата начал сжигать <...> по сколько сот сжигал, всех их, а вешал сколько!*).

Религиозное знание «церковных» православных села ориентировано в большей степени на связанные с христианством народные поверья и обычаи. Ср., например, характеристику таких христианских праздников, как Георгий Победоносец (*Егорий*), День святых апостолов Петра и Павла (*Петров день*), Ильин день: *а Егорий бывает в году два раз – весенний и осенний Егорий. <...> вот осенью Егорий будет вот, волк за овцой придет* (согласно народному поверью, святой Георгий указывает диким зверям, какую скотину можно есть, ср. поговорку «Что у волка в зубах, то Егорий дал»; в связи с этим каждый скотовод в Юрьев день стремился задобрить волков и Георгия, откупиться от них, принеся какую-либо жертву [10]); *а Петров-то день <...> разговляться новой картошкой; и видишь, он, Илья Пророк, в дома-то в те... каменный град летел... в те дома <...> кто делал плохо.* Ср. также реализованное в дискурсе «церковных» скорее языческое, нежели религиозное понимание святок: *а были святки, ходили за пирогами к женихам-то, к ухажерам.* В целом в сознании «церковных» верующих религиозная картина мира, очевидно, в большей мере обывательна, вписана в повседневную жизнь людей, ср., например, овеществление абстрактного религиозного концепта *грех*: *Грехи сдаем, причащаемся там* [в церкви].

Христианская картина мира, как показывает анализ диалектных текстов, составляет значимую часть народной духовной культуры, характеризуется значительным единством у жителей села – приверженцев «церковной» веры и старообрядчества. Имеющиеся же различия обуславливают вариативность отдельных элементов этой картины, не трагичная, однако, глубинных морально-этических основ православной культуры.

Метаязыковая рефлексия в дискурсивных фрагментах религиозной тематики

Носителям диалектов, пользующимся исключительно устной речью, свойственно в целом более слабое осознание речи в сравнении с носителями литературного языка, активно использующими также и письменную форму коммуникации. В обычном внутрдиалектном общении рефлексивность речи выражена слабо [11, с. 11–14]. Однако в определенных коммуникативных ситуациях (общение диалектологов с диалектоносителями, общение диалектоносителей, представляющих разные в языковом и/или культурном отношении группы) частота реализации метаязыковой рефлексии заметно увеличивается [12]. К числу ситуаций со «сгущением» знаков метаязыковой рефлексии относится также тематическое общение, в котором вербализуются значимые для говорящего концепты, обсуждаются реалии, находящиеся в фокусе особого внимания.

Понятия религиозной сферы часто становятся объектами рефлексии диалектоносителей в беседах с диалектологами, не владеющих, по убеждению диалектоносителей, необходимыми знаниями в этой области. В соответствующих тематических сегментах текста нередко фиксируются такие средства выражения рефлексии, как пояснительные конструкции, повторы, перифразы, обобщающие (часто оценочные) высказывания, обращения к собеседникам с целью проверки уровня понимания сообщаемого, риторические вопросы.

Например, значимость религиозной тематики для диалектоносителя-старообрядца обуславливает появление в соответствующих тематических фрагментах текста так называемой «терминологической рефлексии» (фиксации внимания на названиях). Ее объектами регулярно выступают названия атрибутов религиозных отправлений, служб, обрядов, лиц по их принадлежности к религиозному течению, явлений религиозной мифологии, архаические слова, используемые в религиозной сфере. Показательно, что подобные знаки повышенного внимания возникают в речи диалектоносителя часто без специальных запросов со стороны адресатов речи и при этом нередко разъясняются:

вот это у нас образа, **оне называются старо-обрядческие, поморские; вот венец это вот называется, это наши иконы;**

если только вы приняли **крещение святое (оно святое называется)**, то вы после этого крещения **называетесь христиание, а оне** [«церковные»] после своо этого причастия <...> **называются еретиками;**

крест должен быть сложенный, **двоперстие, и надо класть на чело (это вот называется лоб – чело);**

у них брак и считается за грех, **оне называются безбрачные, а мы брачники называемся, у нас законный брак мы считаем за брак.**

Разъяснение неизвестного собеседникам, по мнению говорящего, понятия сопровождается также повторным воспроизведением названия – коммуникативным шагом с прагматической задачей фиксации нового для адресата знания:

у нас если **погребенье <...>, у нас называется во гроб положение, и если с во гроб положением, то мы три с половиной часа стоим, вот это у нас называется погребенье;**

такую-ту службу ее всю ночь и... молимся, **ещь бывает с вечера – всеулишно, вот Успенье-то оно называется всеулишно, это надо с вечера уйти, часов в восемь, и до утра – до восьми или до девяти.**

Значимость религиозной тематики обуславливает также появление в соответствующих тематических фрагментах текста таких ориентированных на слушателя средств рефлексии (знаков рефлексивного сознания), как пояснительные конструкции (а), повторы (б), перифразы (в), обобщающие (часто оценочные) высказывания (г), риторические вопросы (д), обращения к собеседникам (е). Ср.:

(а) ну раньше-то всю неделю молились, **она, родительска, вся неделя; и вот эту вселенску собираем в пятницу, ее положено в пятницу;** ну там сказано в писании: **оголят, говорит, его лицо проклятое, этого Антихриста, и заставят снять перчатки (он будет в перчатках возглавлять) снимут перчатки-ти, а у него когти собачьи; а с еретиком – тоже есть написано – с еретиком вот не пить, и не есть, и не вкупе богу молиться (это в моленной вкупе) вот, и ласково слово глаголить нельзя;**

(б) по них **только вот за вселенской:** **которы удавились, которы утопились, которы куском подавились, которы костью, которы напились и обпились – вот ну такие вот все; кто с сучка свалился, кто гром... кого громом убило, молнией – все вот таких вот мы так все поминаем; царей всяких, что были, за... если оне... участвовали, заслужили – это мы все поминам, вот только что за вселенской, три раза в году;**

(в) это ведь все наше было, что вот сейчас носит, все наше, за исключением только оне в церкви делают **украшают иконы, художества; наше дело повиноваться и все, исполнять, что есть в божьем писани;**

(г) **вот наша вера какая; вот такая у них ерунда; оне в церкви делают украшают иконы, художества, а художество это очень погрешно; шапки не надевает никто, вот, ни попы, ни дьяконы – никто не должен надевать;**

(д) ...шапки надевают <...> **Ну что это такое? Разве это божество? Исус Христос разве в шапке? Иль вон Никола Чудотворец?; вот венец... это наши иконы... у Богородицы вон венец... ну у кого нету? А у любого святого у нас венцы;**

(е) **вот мы читаем в синодикте, когда вселенска бывает у нас. Вселенскую вы знаете?; Успенье вот, Успенье Богородицы – это ведь что за праздник, вы слышали, нет?; ...когда же ей [Богородице], когда этот... Иоанн Богослов-то сказал, что... у тебя сын воскрес, так она... или вот тебе скажи, или тебе вот – вы как поведете себя, обрадуетесь?**

Значимость религиозной тематики в качестве объекта, на который направлена работа рефлексивного сознания говорящего, подтверждается использованием прецедентных высказываний, источником которых являются тексты религиозного содержания, ср.: **там написано: оденься, говорит, по образу, по подобию; это ведь опять есть писано в уставе: кесарю, говорит, отслужи кесарево, а богу служи богово.**

Анализ корпуса диалектных текстов показал, что религиозные знания находятся у носителей народной традиции в актуальной зоне как языкового сознания, воплощающего особенности мировидения, так и языкового самосознания, интерпретирующего элементы языкового сознания: «языковое сознание рождает тексты, языковое самосознание – метаязык и метатексты» [8, с. 8].

Дискурсивные фрагменты религиозной тематики в речи диалектоносителей репрезентируют особенности религиозных воззрений как части народного миропонимания. Религиозная картина мира, варьируясь в связи с существующими в традиционном социуме конфессиональными различиями, является значимой частью общей картины мира носителей духовной и речевой народной традиции. Характер речевого воплощения соответствующих знаний свидетельствует о том, что элементы религиозной картины мира осмысляются диалектоносителями как важная составляющая своей культурной идентичности.

Список литературы

1. Тарасов Е. Ф. Образ России: методология исследования // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 69–73.
2. Машенко С. П. Дидактический потенциал «народного православия» в обучении русскому языку как иностранному // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2005. Вып. 3 (47). Серия: Гуманитарные науки (Филология). С. 90–95.
3. Крючкова О. Ю. Диалектологический корпус как источник лингвокультурологического изучения русских народных говоров // Славянский альманах 2009. М.: Индрик, 2010. С. 67–84.
4. Быстров С. И. Поморское согласие в Саратовском крае со второй половины XVII столетия до 80-х гг. XIX века. Опыт исторического исследования. Саратов: Издание В. З. Яксанова, 1923. 26 с.
5. История с. Самодуровки по воспоминаниям Е. И. Круглова. Дооктябрьский период (апрель 1963 г.) // Материал из фонда Вольского краеведческого музея. Ф. 4. Д. 233. С. 1–6.
6. Бибикина М. Ю. Старообрядчество г. Вольска и Вольского уезда XVII–XIX веков // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы. Саратов, 2000. С. 186–189.
7. Буранова А. И. Тематическая организация диалектной речи: количественный анализ // Известия Саратовского ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 35–38.
8. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание / отв. ред. Н. И. Толстой. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2014. 192 с.
9. Никитина С. Е. Старообрядчество как конфессиональная культура: взгляд этнолингвиста // История и география русских старообрядческих говоров. М., 1995. С. 84–92.
10. Краткая энциклопедия славянской мифологии. URL: http://sueverija.narod.ru/Prazdnic/Apr/23Yrii.htm#Краткая_энциклопедия_славянской_мифологии_ (дата обращения: 07.12.2017).
11. Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты. Саратов: Наука, 2010. 120 с.
12. Крючкова О. Ю. Метаязыковая и метакоммуникативная рефлексия как результат социально-культурных различий между коммуникантами (на материале русской диалектной речи) // Русский язык сегодня. Вып. 5: Проблемы речевого общения. М.: ФЛИНТА : Наука, 2012. С. 259–268.

Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (ул. Астраханская, 83, Саратов, Россия, 410012). E-mail: sarteorlingv@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 22.12.2017.

DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-19-26

COGNITIVE AND COMMUNICATIVE PECULIARITIES OF RELIGIOUS SUBJECTS DISCOURSE FRAGMENTS IN DIALECT SPEAKERS' DISCOURSE

O. Yu. Kryuchkova

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Study of traditional consciousness and peculiarities of popular culture bearers' worldview on the material of textual dialect speech corpora is an urgent task of linguistic culturology and cognitive linguistics. Representative textual collections of everyday dialect speech only recently became a source of reconstruction of traditional worldview. The purpose of this work is a study of religious knowledge and ideas role and content in the worldview of dialect speakers. The analysis of religious subjects discourse fragments, picked out of a general speech flow, has shown that the religious component is a significant part of a general world picture and of popular culture bearers' linguistic consciousness. Reflections on God, Christian saints, orthodox holidays and memorable dates of Church calendar, church services and rituals, religious writings, religious figures, trends and heterodox people, plots of Christian mythology occupy an important place in dialect speakers' narratives. The notions of religious sphere often become the objects of dialect speakers' reflection in their conversations with dialectologists. The religious subjects discourse fragments often contain such means expressing reflection as explanatory constructions, repetitions, periphrasis, generalizing (often evaluative) remarks, addresses to interlocutors with the purpose of checking up the degree of speech understanding, rhetoric questions. The communicative peculiarities of religious thematic fragments – increased metalinguistic reflection against a background of a feeble, in general, speech awareness of popular speech culture bearers – show that the elements of religious worldview are an important constituent part of dialect speakers' cultural identity, occupying a central place in the popular tradition bearers' value system.

Key words: *traditional popular culture, dialect, world picture, language consciousness, metalinguistic reflection.*

References

1. Tarasov E. F. *Obraz Rossii: metodologiya issledovaniya* [The Image of Russia: Research Methodology]. *Voprosy psikholingvistiki – Issues of Psycholinguistics*, 2006, no. 4, pp. 69–73 (in Russian).
2. Mashchenko S. P. *Didakticheskiy potentsial «narodnogo pravoslaviya» v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu* [Didactic Potential of “Popular Orthodoxy” in Teaching Russian as a Foreign Language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2005, no. 3 (47), pp. 90–95 (in Russian).
3. Kryuchkova O. Yu. *Dialektologicheskiy korpus kak istochnik lingvokul'turologicheskogo izucheniya russkikh narodnykh govorov* [Dialect Corpus as a Source of Russian Dialects Linguistic and Cultural Study]. *Slavyanskiy al'manakh 2009* [Slavic Almanac 2009]. Moscow, 2010, pp. 67–84 (in Russian).
4. Bystrov S. I. *Pomorskoye soglasie v Saratovskom krae so vtoroy poloviny XVII stoletiya do 80-kh gg. XIX veka. Opyt istoricheskogo issledovaniya* [The “Consent of Pomorye” in Saratov Region (From the Second Half of the 17 cent. till the 80-s of the 19 cent.). An Essay of Historical Study]. Saratov, 1923. 26 p. (in Russian).
5. *Istoriya s. Samodurovki po vospominaniyam E. I. Kruglova. Dooktyabr'skiy period (aprel' 1963 g.)* [History of village Samodurovka in memoirs of E. I. Kruglov. A Period before October (April 1963)]. *Material iz fonda Vol'skogo kraevedcheskogo muzeya* [Material from the Funds of Vol'sk Regional Museum]. F. 4. D. 233. pp. 1–6 (in Russian).
6. Bibikova M. Yu. *Starobryadchestvo g. Vol'ska i Vol'skogo uezda XVII – XIX vekov* [Old Belief of Vol'sk City and Vol'skiy District (Uyezd) in 17–19 cent.]. *Saratovskoye Povolzh'e v panorame vekov: istoriya, traditsii, problemy* [Volga Region around Saratov through the Centuries: History, Traditions, Problems]. Saratov, 2000, pp. 186–189 (in Russian).
7. Buranova A. I. *Tematicheskaya organizatsiya dialektnoy rechi: kvantitativnyy analiz* [Dialect Speech Thematic Organization: The Quantitative Analysis]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta – Izvestiya of Saratov University*, 2012, vol. 12, issue 3, pp. 35–38 (in Russian).
8. Nikitina S. E. *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoye soznaniye* [Oral Popular Culture and Language Consciousness]. Moscow, 2014. 192 p. (in Russian).
9. Nikitina S. E. *Starobryadchestvo kak konfessional'naya kul'tura: vzglyad etnolingvisty* [Old Belief as a Confessional Culture: The View of Ethnolinguist]. *Istoriya i geografiya russkikh starobryadcheskikh govorov* [History and Geography of Russian Old Believers' Dialects]. Moscow, 1995, pp. 84–92 (in Russian).
10. *Kratkaya entsiklopediya slavyanskoy mifologii* [A Brief Encyclopedia of Slavic Mythology] (in Russian). URL: http://sueverija.narod.ru/Prazdnic/Apr/23Yrii.htm#Краткая_энциклопедия_славянской_мифологии_. (Accessed 7 December 2017).
11. Gol'din V. E., Kryuchkova O. Yu. *Russkaya dialektologiya. Kommunikativnyy, kognitivnyy i lingvokul'turnyy aspekty* [Russian Dialectology. Communicative, Cognitive, Linguistic and Cultural Aspects]. Saratov, 2010. 120 p. (in Russian).
12. Kryuchkova O. Yu. *Metazykovaya i metakommunikativnaya refleksiya kak rezul'tat sotsial'no-kul'turnykh razlichiy mezhdru kommunikantami (na materiale russkoy dialektnoy rechi)* [Metalinguistic and Metacommunicative Reflection as a Result of Social and Cultural Differences between Communicants (on the Material of Russian Dialect Speech)]. *Russkiy yazyk segodnya. Vyp. 5: Problemy rechevogo obshcheniya* [The Russian Language Today. Issue 5: Problems of Verbal Communication]. Moscow, 2012, pp. 259–268 (in Russian).

Kryuchkova O. Yu., Saratov State University (ul. Astrakhanskaya, 83, Saratov, Russian Federation, 410012). E-mail: sarteorlingv@yandex.ru